

Phenomenology seeks to uncover the meanings of already presented moral experiences eventually opening new possibilities for action. Human mode of being is pure actuality, not individual substance, and this actuality realizes itself due to the structured flow of the acts of consciousness. If we identify person with this flow the main personal characteristics become attentiveness, critical attitude and openness.

This mode of human being transcends Kantian *pure reason* and eventually transcends formal ethics. Values are of emotional nature which attunes human being with reality, life in all its concrete forms. Values stripped from emotional content and left with formal clothing are destructive (as with democracy *only* as a right to vote).

The thing is that according to phenomenology emotions are kind of value attitudes, that is, intentional processes. But again, moods and feelings usually are habitual (once we learn to feel something we will feel it every time it will appear in our horizon of experience), and if they are value attitudes we must constantly reflect on them, and many intended objects (correlates of emotions) has their *culturo-contextual* characteristics.

Real phenomenological values are those (aesthetical, juridical, cognitive and etc.) which binds human beings together in *rational, educational and cultural coexistence*. But all this is about the value of a person rewritten anew for the age after the substantial notion of the self. This person is not reducible to nothing or no one else, he is the absolute and the concrete centre of all acts. On the other hand the value of a person is arranged with responsibility for constant critical reevaluation of myself as the institution which could be in a position to decide her own life and life of the others. This is the absolute fundament of all other values and this is where phenomenology and democracy embraces each other.

As Socrates was mentioned, I find important complementarity between phenomenology and democracy and Greek virtue ethics. Here virtues are in some sense values in itself, they are prior to duty or definite conditions of valuable life (knowledge, talk, friendship, or a simple walk). The possession of such values ensures authentic living as well as the ground for proper functioning of democratic mechanisms, such as communication, free play of ideas, development of distinctive individuality and a spread of spirit of social cooperation, reciprocity of diverse views and experiences. Such an outlook gives a new meaning to phenomenology as practical philosophy: constantly reinterprets living world, underlies new possibilities and reevaluate the democratic ideal itself.

МЕНТАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

М.Н. Чернявска

Белостоцкий политехнический университет, г. Белосток, Польша

Анализ трансформации в странах Центральной и Восточной Европы ставит ряд вопросов в общественных науках. Какова связь между формой государственного строя и менталитетом общества? Является ли изменение человеческого менталитета необходимым условием трансформации на макросоциальном уровне? А если это так, в каком направлении изменяется менталитет?

Измерением менталитета, в контексте которого обоснованным представляется анализ изменений в политической системе постсоциалистических стран, является противостояние между индивидуализмом и коллективизмом. Конструкт индивидуализм-коллективизм указывает на два качественно различных принципа, определяющих отношения между личностью и группой. Дж. Хофстеде (Hofstede, 1980) определяет коллективизм как

склонность к постановке потребностей группы над потребностями личности, индивидуализм – как склонность к постановке потребностей личности над потребностями группы. Дифференциация этих потребностей связана, по мнению автора, с типом межличностных связей, характеризующих данную культуру. Индивидуализм характеризуется свободными отношениями между людьми, в коллективизме, в свою очередь, акцентируется значимость отношений между личностью и социальным окружением.

Конструкт индивидуализм-коллективизм модифицирует широкий класс переменных: познание, понятие «я», мораль, ценности, установки и поведение. Он осмысливается также в контексте экологических и макросоциальных переменных, таких как общественная, идеологическая, политическая и экономическая система. И здесь возникает вопрос: какая из этих двух форм менталитета способствует экономическому развитию и развитию демократии?

Индивидуализм является основополагающим признаком либеральной доктрины, в которой «общее благо» понимается как сумма личностных стремлений, а не как результат их подавления. Права личности ненарушаемы и стоят над обществом, ненарушаема и неограниченна свобода человека (Szacki, 1994). Экономическая версия либерализма (а такая в первую очередь интересует страны Центральной и Восточной Европы) относится к функционированию обществ в особом измерении. Она демонстрирует принципы, которые играют важную роль в экономической продукции, т. е. принципы рыночной экономики, соперничества и получения максимальной прибыли. Они – как легко заметить – сильно связаны с капитализмом. «Двигателем развития» капитализма считается – по крайней мере в истории западного общества – индивидуалистский менталитет (Ślomszczyński и соавторы, 1996). Подтверждение подобной зависимости мы находим в работе Дж. Хофстеде (Hofstede, 2001). Он показывает, что уровень национального дохода коррелирует с уровнем культурного индивидуализма. С другой стороны, индивидуалистский менталитет признается следствием экономического успеха. По мнению Г.Ц. Триандиса (Triandis, 1994), богатство стран становится необходимым условием развития индивидуалистской культуры. Достаток освобождает от групповой зависимости и делает возможной реализацию индивидуальной активности, а та, в свою очередь, влечет за собой инновации и экономическое развитие (Cohen, 1998). Индивидуализм, таким образом, сильно связан с развитием капитализма: он способствует экономическому развитию и сам является эффектом такого прогресса (Ślomszczyński и соавторы, 1996). Одновременно, как утверждают И.А. Ванделло и Д. Коэн (Vandello, Cohen, 1999), индивидуалисты в сфере идеологии имеют в большей степени склонность к акцептации либерализма.

С индивидуализмом связаны не только технический прогресс и благосостояние, но также тип политического строя, сложность форм культуры и отношение к традициям. По мнению многих теоретиков, демократия (во всяком случае в ее либеральной версии) требует принятия характерных для индивидуализма межличностных связей и личностных свойств (Hofstede, 1980; Boski, 1999; Reykowski, 1993). Одновременно в индивидуалистских культурах становится возможным проявление главных для демократии ценностей, которыми являются свобода и права человека. В свою очередь, отношение к демократии и оценка собственного функционирования в этой системе в значительной мере зависят от уровня акцептации индивидуалистских ценностей, которые лежат в основе таких психических черт, как стремление к свободе и независимости, самоконтроль, чувство личной ответственности и креативность (Skarżyńska, Chmielewski, 1994; Urban, 2005; Крамник, 2000).

Н.А. Бердаев (Bierdajew, 1981), характеризуя индивидуалистский менталитет с позиции философских наук, указывает, что для индивидуалиста «свобода является, прежде всего, правом на неравенство. Равенство является, прежде всего, покушением на свободу, ограничением свободы. Свобода живого существа, а не математического пункта, реализуется в качественной инаковости, в возвеличивании в праве на увеличение размера и качества жизни. В свою очередь, равенство выступает против всякого рода качественного отличия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвеличивание» (с. 48). Подобную характеристику на социологическом уровне представил Х. Доманьски (Domański, 2000): «Индивидуалист – это тот, кто в своих действиях, касающихся профессиональной карьеры и материальных дел, занимается самим собой, действуя с убеждением, что собственные усилия и упорство в стремлении к цели являются лучшей гарантией достижений. Он ощущает себя хозяином своей судьбы. Индивидуалисты ставят перед собой долговременные цели, отделяя их от судьбы семьи, профессиональной группы, народа или вообще коллектива; если же учитывают интересы общности, в которой функционируют, то помещают ее на второй план». Определяющей чертой индивидуалистского менталитета является, таким образом, направленность действий личности на достижение и успех, являющиеся результатом собственных усилий, что в дальнейшем детерминирует экономическое развитие, цивилизационный, научный и технологический прогресс целых обществ. Аргументация такого рода популярна со времен Д. Мак-Клееланда (McClelland, 1985), который полагал, что мотивация достижений является необходимым условием экономического развития. Низкий уровень мотивации достижений исключает четкое функционирование рыночной экономики, в то время как возрастание мотивации создает надежду на улучшение экономического развития. Более поздние исследования, осуществленные в различных странах мира, подтверждают тезис о связи между усилением мотивации достижений в данной культуре и экономическим развитием (Росс, Нисбетт, 2000).

В индивидуализме ценность человека измеряется его достижениями, которые, в свою очередь, связаны с умениями, которыми обладает человек. Типичная для индивидуализма концентрация на компетенции личности и ее совершенствовании очень важна с точки зрения экономического развития. Каждому человеку дается шанс развития и демонстрации своей компетентности, которую можно осуществить наилучшим образом путем свободного соревнования и конкуренции. Соперничество способствует большей креативности и продуктивности, вовлечению в бизнес и рыночное предпринимательство (Daab, 1993; Дилигенский, 1999; Крамник, 2000).

Индивидуалист полагается в большей степени на самого себя. Такого человека характеризует стремление к экономической независимости, склонность к самостоятельному определению стандартов и целей и независимость в их реализации. Следствием являются большее доверие к самому себе, большая отвага и креативность. Такая типичная для индивидуалиста черта личности как ментальная открытость, увеличивает терпимость личности, к социальным переменам и возможности приспособления к конкретным условиям нового экономического строя – в особенности к широко понимаемому «рынку» (Reykowski, 1992; Jarumowicz, 1999; Дейнека, 2000).

В связи с представленными выше рассуждениями, изменения менталитета посткоммунистических обществ в направлении индивидуализма уничтожают важный барьер в трансформации государственного строя. Оправданным представляется, одновременно, вопрос, почему коллективистский менталитет должен был бы препятствовать изменениям в общественной системе. Либо иначе, можно ли считать коллективистский менталитет одной из психологических причин политико-экономических проблем в странах Центральной и Восточной Европы?

В период, предшествующий трансформации, в странах этого региона апробировалась коллективистская идеология, согласно которой идентичность человека определялась через его групповую принадлежность (семья, организация, посредством которой он функционировал, или государство). Устанавливался определенный образец отношений личности и государства: личность подчинялась государству, государство, в свою очередь, отвечало за личность, заботилось о ней и обеспечивало безопасность. Подчеркивалась роль социальной группы (общества), что приводило к доминированию групповых целей над личными. Большое значение в функционировании общества придавалось следующим ценностям: социальная гармония, групповая солидарность, чувство ответственности, то есть тем, которые противодействуют групповым конфликтам и обеспечивают безопасность (Androka, *ср.* Sallay и соавторы, 2001). Высоко оценивалось одобрение определенной идеологии, а также поведение, соответствующее общепринятым нормам (Jarymowicz, 1999).

Требование солидарности, единства, гармонии, правильности, конформизма в отношении общественных потребностей и уважения традиций обеспечивает безопасность, однако ограничивает свободу личности (право принимать решения) и детерминирует рецептивную установку: люди становятся осторожными, ищут помощи и отказываются от своих честолюбивых притязаний. Таким образом, коллективизм опирается на ценности, ориентированные на продолжение, способствуют в большей мере стагнации и «стиранию различий», нежели переменам, ограничивают стремление к плюрализму и возможности распоряжаться самим собой (самостоятельности, самоопределения), соперничества и конкуренции. Коллективистские ценности противодействуют конфликтам между людьми, однако, одновременно, могут ограничивать реализацию принципов демократии (демократические принципы ориентированы на плюрализм, свободу и права личности) и тормозить развитие капитализма (принципы экономического либерализма ориентируются на индивидуальные достижения и опираются на конкуренцию) (Reukowski, 1993; Sallay и соавторы, 2001). Преодоление коллективизма в сфере менталитета должно, таким образом, способствовать развитию демократических установок, помочь гражданам стать независимыми от государства и развить активность в достижении собственных целей (предприимчивость) и, как следствие, привести к экономическому развитию страны.

Вышеприведенная аргументация представляется теоретически целостной, тем не менее, она отражает исторический опыт только части обществ. И хотя не подлежит сомнению, что триада: капитализм-демократия-индивидуализм присутствовала в развитии западных стран, это не означает, что экономический прогресс может иметь место лишь в индивидуалистски ориентированных странах. На это указывают хотя бы успехи в экономической области стран Дальнего Востока, то есть тех, которые отличаются крайним коллективизмом. К примеру, И. Мисуми (Misumi, *ср.* Kim, 1994) отмечает, что экономический прогресс в Японии был достигнут благодаря сильным связям между людьми, связям, которые не опирались на негативные эмоции, связанные с конкурентным подходом к жизни. В случае этих стран потребность достижений признаётся также за важную психологическую причину экономического развития, однако определяется она в групповых категориях. Успеха добивается не личность, а группа, к которой личность принадлежит. Люди привыкли к кооперации, солидарности и ответственности по отношению к членам группы. И, что интереснее всего, неудачи (а не успех) влияют на более сильную мотивацию усилий: критика, таким образом, носит конструктивный характер (*ср.* описание коллективизма, приведенное выше). В свете этих фактов можно задуматься, не являются ли страны Центральной и Восточной Европы «недостаточно» коллективистскими.

Не вполне очевидным является ответ на вопрос, почему индивидуалистский менталитет должен способствовать развитию демократии. Демократия реализует идеи свободы и автономии личности, которые ассоциируются с индивидуализмом, но одновременно реализуются и идеи равенства и братства, которые, в свою очередь, можно считать показателями коллективизма. Принцип соединения демократии с индивидуализмом был опровергнут в публикации П. Боского (Boski, 1999). Он указывал, что – по крайней мере на польской почве – индивидуализм является негативным предсказателем демократической ориентации, хотя позитивным – для ориентации капиталистической. Одновременно люди, настроенные против бизнеса, характеризовались более сильными демократическими социальными установками. По мнению автора, результаты исследования разрушают миф о неразлучности политической демократии и рыночной экономики. Обе сферы жизни имеют противоположные психологические механизмы: рыночной экономике способствует индивидуализм, за демократию отвечает иное измерение менталитета, определяемое понятием гуманизма. Гуманизм характеризуется, в свою очередь, сильным родством с коллективизмом. В контексте приведенных результатов исследований можно сделать вывод, что изменения в менталитете в направлении индивидуализма желательны скорее с точки зрения экономических перемен (и то в том случае, если опустить информацию об «азиатском чуде»). Связь индивидуализма с демократией носит уже, по крайней мере, спорный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейнека О.С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 2000.
2. Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый. Личность в постсоветском социуме // Политические исслед. – 1999. – № 3.
3. Крамник В.В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
4. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 2000.
5. Bierdajew M. (1981). *Filozofia nierówności*. Kraków: Zdanie.
6. Boski P. (1999). *Humanizm w kulturze i mentalności Polaków*. W: B. Wojciszke, M. Jarymowicz (red.), *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*. Warszawa: PWN.
7. Cohen D. (1998). Culture, social organization, and patterns of violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75, 408-419.
8. Daab W.Z. (1993). *Indywidualizm a poglądy społeczno-polityczne*. W: J. Reykowski (red.), *Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN.
9. Domański H. (2000). *Negatywne aspekty indywidualizmu*. W: M. Malikowaki, Z. Seręga (red.), *Konflikty społeczne w Polsce w okresie zmian systemowych*. Rzeszów: WSP.
10. Hofstede G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage.
11. Hofstede G. (2001). *Culture's consequences. Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. Thousand Oaks: Sage Publications.
12. Jarymowicz M. (1999). *O godzeniu wody z ogniem: związki kolektywizmu z indywidualizmem*. W: B. Wojciszke, M. Jarymowicz (red.), *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*. Warszawa: PWN.
13. Kim U. (1994). Individualism and collectivism. Conceptual clarification and elaboration. In: U. Kim, C.H. Triandis, C. Kagitcibasi, S-H. Choi, G. Yoon (Eds.), *Individualism and Collectivism*. Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE Publication.

14. McClelland D.C. (1985). Human motivation. Glenview, IL: Scott, Foresman.
15. Reykowski J. (1992). Kolektywizm i indywidualizm jako kategorie opisu zmian społecznych i mentalności. Przegląd Psychologiczny, 35, 147-171.
16. Reykowski J. (1993). Zmiany systemowe a mentalność polskiego społeczeństwa. W: Reykowski J. (red.). Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe. Szkice z psychologii politycznej. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN.
17. Sallay H., Munnich A., Oppenheimer L. (2001). Self-construal in a changing society. Studia Iagellonica Humani Cultus Progressus, 5, 35-51.
18. Skarżyńska K., Chmielewski K. (1994). Młodzież a demokracja w Polsce. Studia Psychologiczne, 35, 47-64.
19. Słomczyński K.M., Janicka K., Mach B.W., Zaborowski W (1996). Struktura społeczna a osobowość. Psychologiczne funkcjonowanie jednostki w warunkach zmiany społecznej. Warszawa: IFiS.
20. Szacki J. (1994). Liberalizm po komunizmie. Kraków: Znak.
21. Triandis H.C. (1994). Culture and social behavior. New York: McGraw-Hill.
22. Urban M. (2005). Indywidualistyczne i kolektywistyczne poglądy polityczne młodzieży a przekonania i strategie socjalizacyjne rodziców. W: U. Jakubowska, K. Skarżyńska (red.), Demokracja w Polsce – doświadczenie zmian. Warszawa: Wydawnictwo SWPS „Academica”.
23. Vandello J.A., Cohen D. (1999). Patterns of individualism and collectivism across the United States. Journal of Personality and Social Psychology, 77, 279-292.

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет,
Институт социально-гуманитарного образования, г. Минск, Республика Беларусь

В XXI столетии человечество столкнулось с новыми опасными вызовами, противостоять которым возможно только обеспечив глубинный межкультурный и межконфессиональный диалог различных народов мира, их взаимопонимание, уважение, ценностный плюрализм и толерантность по отношению друг к другу. Прежде всего, отметим, что под *устойчивым развитием следует понимать глобально управляемое развитие всего мирового сообщества с целью сохранения биосферы и существования человечества, его непрерывного развития* [4, 31]. Устойчивым может быть только мировое сообщество в целом, ибо биосфера и ноосфера – единый организм планеты Земля.

Национальный императив устойчивого развития, или обязательное требование к стране, нации в целом, состоит в том, чтобы, активно и конструктивно участвуя в мировом процессе перехода к устойчивому развитию, определить цели и механизмы развития страны посредством выработки стратегии устойчивого развития, объединяющей в одно целое культурологическую, социальную, экономическую и экологическую политику, интегрирующей усилия нации на достижение социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности.

Поиск новых путей, механизмов и форм сотрудничества, взаимодействия и интеграции, открытого диалога культур и религий с национальными и религиозными организациями и вместе с тем обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности и самостоятельности отдельных стран и народов – *основа и стратегический приоритет устойчивого развития современного мира*. При этом важно выявить и проанализировать реальные механизмы налаживания межкультурного